

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ (на примере украшений эпохи бронзы Западной Сибири)

О.В. Умеренкова

Статья посвящена исследованию основных мировоззренческих представлений людей эпохи развитой и поздней бронзы Западной Сибири. Проведен анализ комплектов сложносоставных украшений. Выделены наиболее значимые позиции украшений в качестве важнейшего источника в реконструктивных построениях духовного мира древности: семантика и мировоззренческая основа употребления знака «головной убор» в обрядовом контексте, цветовая символика, религиозно-магическая функция, знаки и символы.

Мировоззрение, миф, эпоха бронзы, Западная Сибирь, украшения, семантика, головной убор, погребальный обряд.

При анализе археологических источников на интерпретационном уровне исследователи неоднократно обращаются к проблеме реконструкции мировоззрения древних обществ. Такой подход закономерен в силу методологического положения палеосоциальных исследований о взаимосвязи социальной и духовной сфер общества [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 52]. Тема мировоззрения бесписьменных народов представляется весьма сложной и труднообъяснимой. Данная ситуация обусловлена тем, что мировоззренческая функция религиозно-мифологической системы как в «идейном», так и в культовом отношении тесно сопряжена с особенностями жизнедеятельности и быта различных человеческих коллективов. Она же определяла и особенности реализации погребального обряда. Вместе с тем фрагментарность археологических свидетельств и различная степень их изученности вызывает необходимость привлечения этнографических наблюдений и фольклористики.

Целостное восприятие мировоззренческой системы обществ эпохи бронзы осложнено прежде всего полным отсутствием исторических письменных источников. Все имеющиеся материалы представлены только археологическими данными, в распоряжении специалистов находятся овеществленные остатки культуры, которые лишь опосредованно отражают живую культуру во всем ее многообразии. В связи с этим явления либо действия, совершаемые человеком в прошлом, обладают аналогичным археологическим воплощением, а различные действия, производимые с использованием одних и тех же предметов, археологически фиксируются одинаково. Кроме того, предметы, чья функциональная принадлежность затруднена либо не поддается однозначной трактовке, а также явления, сопровождающие заведомо культовые действия, обычно трактуются исследователями как ритуальные [Ульянов, 2004, с. 126].

Теоретические изыскания позволили определить, что в древних обществах основу духовной сферы составляла господствующая мифологическая система, которая выполняла мировоззренческую и регулятивную функции [Урушадзе, 1973; Байбурин, 1981; Элиаде, 1987; Львова и др., 1989; Окладникова, 1995; Ульянов, 2004; Михайлов, 2001, 2005; и др.]. В специальной литературе существует понимание мифа как мировоззренческой схемы, где в «вещь» вкладывается не только прагматический, но и семиотический смысл. Одни вещи, например орудия труда, как правило, были включены в сферу материальной культуры, другие (предметы культа, различного рода изображения, ювелирные изделия) — духовной. Человек «приписывал» им определенный семиотический статус, который для одной и той же вещи мог существенно изменяться во времени, различаться для разных этнических объединений и в зависимости от ситуации [Байбурин, 1981, с. 217]. Создание изделий преимущественно практического назначения характерно для современного человека — их семиотический статус довольно резко снизился, хотя вплоть до XIX в. у многих народов изготовление разного рода предметов, в том числе украшений, увязывалось с целым комплексом представлений ритуально-мифологического характера. Технологическая сфера деятельности древних людей может быть представлена несколько иначе с учетом результатов, полученных при изучении различных проявлений синкретизма. В данном случае мы говорим о том,

что сам принцип изготовления определенных предметов (вещей) подчинялся правилам, имеющим не только технический, но и социальный смысл. В результате конечный вид изделия приобретал в той или иной мере черты космической схемы, становясь своеобразной моделью.

Все эти размышления позволяют предполагать универсальный характер отношений между создаваемой вещью, строением человеческого тела и представлениями о структуре «мира». Поэтому, говоря об украшениях как о созданных человеком изделиях, позволительно сопоставлять систему «материальная культура» с одной стороны и мифология-ритуал — с другой. До сих пор многие, «нецивилизованные» с позиции современного человека, народы носят в большом количестве кольца, перья, ожерелья, браслеты вне зависимости от половой принадлежности. До сих пор у традиционных народов покойники, так же как и каждый возраст и пол имеют свои атрибуты. Приобретая со временем все более утилитарный характер, украшения сохранили архаичные черты. Поэтому мы считаем правомерным использование этнографических данных и приведение конкретных примеров для объяснения и решения ряда проблем, связанных с использованием украшений в эпоху бронзы [Грачева, 1976, с. 44–46; 1983, с. 55, 73–83; Добролюбовский, 1982; Лелеков, 1987; Литвинский, 1982; Львова и др., 1989].

Данное исследование посвящено рассмотрению некоторых мировоззренческих характеристик древних людей, выделенных на основе анализа украшений, представляющих собой в данном контексте приоритетную группу предметов в составе материальной культуры. Особое внимание уделено пониманию семантического смысла определенных украшений и восстановлению мировоззренческой основы употребления знака «головной убор» в обрядовом тексте.

Конечно, сам факт наличия украшений среди инвентаря погребенных не предоставляет информационных возможностей, позволяющих восстановить мировоззренческие представления древних людей. Важным является контекст находки, восстановление роли и места украшений в погребальном обрядовом действии. Опыт костюмных реконструкций для эпохи бронзы свидетельствует о малоизученности данной тематики. Такое положение дел объясняется особенностью источников — специалисты могут проводить лишь реконструкции украшений одежды, используемой при погребальной практике. Более того, практически весь комплекс украшений, известный для изучаемого периода, зафиксирован в женских погребениях. В археологии эпохи бронзы известны многочисленные случаи фиксации этих изделий в захоронениях мужчин или детей, но, к сожалению, они не представляли собой полную картину со всеми необходимыми компонентами для воссоздания внешнего облика костюма, убора либо прически [Умеренкова, 2010, с. 417].

Исследования в области изучения украшений костюма и тела человека, а также анализ предметного комплекса эпохи бронзы Западной Сибири показали, что использование украшений представляется следующим. По функциональному назначению данные изделия можно подразделить на две группы. Первая из них — изделия, украшавшие человеческое тело (съёмные), включала в себя:

- ручные — браслеты, кольца;
- шейные — нити бус, ожерелья;
- ушные — серьги.

Вторая группа — украшения одежды и прически:

- головные — наконники, нити бус, височные кольца и подвески, бляшки;
- нагрудные — пронизки, кольца, нити бус, бляхи, бляшки-пуговицы;
- ножные — бляшки-пуговицы, бусы, кольца.

Такое разделение характерно для всей эпохи бронзы, и украшения распределяются по данной схеме во всем многообразии. Различия проявляются лишь в морфологических особенностях изделий.

Отдельные виды украшений в древности носили и использовали так же, как и в настоящее время: браслеты на руках и ногах, кольца — на пальцах рук, серьги — ушные украшения и т.д. Гораздо сложнее дело обстоит при реконструкции «составных» гарнитуров, которые практически всегда являлись украшениями головы и шейной зоны.

Нами были выделены некоторые позиции, по которым украшения как самостоятельная категория инвентаря могли являться важным источником в реконструктивных построениях духовного мира древности. Прежде всего речь идет об употреблении знака «головной убор» в обрядовом тексте.

1. *Символика головного убора.* Основным признаком выделения головного убора у погребенного является наличие в зоне черепа украшений, предназначенных для декорирования во-

лос и лица. Эти изделия прикреплялись к головному убору и не могли быть самостоятельными. В качестве вариантов, рассматриваемых специалистами, возможные типы уборов определялись как налобный шнур, повязка, венчик или шапочка [Усманова, 2010, с. 17]. К сожалению, качество источниковой базы не позволяет достоверно определить тот или иной вид, поэтому в литературе, как правило, оперируют понятием «головной убор». Основными материалами, из которых предположительно изготавливалась основа для такого убора, являются кожа и шерсть, сохранившаяся в погребениях, хоть и весьма фрагментарно. Материалы растительного происхождения, шкура и войлок не известны по археологическим материалам эпохи бронзы.

Комплекты украшений, составляющие головные уборы людей эпохи развитой бронзы, известны в достаточном количестве. Анализ украшений показал, что имелось два основных вида оформления головы при помощи металлических изделий — с подвесными сложносоставными комплектами и без них. В свою очередь, среди сложных гарнитуров можно выделить два типа накосника по оформлению нижней части: 1 тип — простой, состоящий из двух-четырех низок (бусин/обойм), заканчивающийся двумя или больше листовидными/ромбовидными подвесками, иногда дополнительно декорированный подвесками или бляшками; 2 тип — сложносоставной, в основе которого низки бусин, «держашие» конструкции из бляшек, пронизей и листовидных/ромбовидных подвесок. Накосные украшения крепились в области затылка к головному убору при помощи обоймочек, бляшек или низок [Усманова, 2010, с. 17].

По материалам могильников андроновской культурно-исторической общности из Центрального Казахстана для погребального костюма были восстановлены на основе накосников два типа головных уборов [Евдокимов, Усманова, 1990; Усманова, Логвин, 1998]. Исследователям удалось восстановить и описать 13 накосников. Четыре из них были найдены в погребениях синташтинско-петровского типа (мог. Бестамак, Токанай, Сатан — XVIII–XVI вв. до н.э.), остальные — в погребениях алакульской культуры (мог. Лисаковский, Бозенген, Шондынкорасы — XV–XIV вв. до н.э.).

На территории лесостепного Прииртышья в могильниках черноозерского типа андроновской культурно-исторической общности по материалам памятников Черноозерье I и Боровянка XVII удалось выявить, восстановить и описать семь гарнитуров — два ожерелья и пять нагрудников [Погодина, 2001, с. 255]. По материалам памятника эпохи развитой бронзы Кулундинской степи в междуречье Иртыша и Оби — мог. Рублево VIII [Кирюшин и др., 2006], погр. № 17, был зафиксирован специфический способ расположения головных украшений, о котором стоит сказать отдельно. Подвески в полтора оборота, по пять с каждой стороны, лежали дугообразно, в ряд на височных костях черепа. С правой стороны эту композицию дополняли лапчатая привеска с выпуклостями и четыре трубочки-пронизки обоих видов. Внутри подвесок и под ними обнаружен тлен. Аналогичная картина расположения была зафиксирована в могильнике Фирсово XIV, по материалам которого был реконструирован способ ношения таких украшений (рис., 5). Подвески в полтора оборота продевались в ухо своей наиболее узкой средней частью. Сквозь них был пропущен кожаный ремешок, обмотанный крученой нитью, к одному из концов которого крепилась подвеска из украшений различных типов [Позднякова, 2000, рис. 2; Кирюшин и др., 2006, с. 39].

Непременным атрибутом женского убранства являлись серьги. Для федоровской традиции характерны серьги с раструбом, они встречаются в погребениях всех возрастных групп андроновского общества и являются одним из характерных элементов материальной культуры восточно-андоновского круга. В алакульских комплексах известны трубчатые кольца с различными вариациями во внешнем облике, которые зависели от материала и способа изготовления.

В последнее время среди специалистов, изучающих головные уборы древности, весьма популярной становится тема «моды и стиля» андроновской культурно-исторической общности [Куприянова, 2007, с. 94; Усманова, 2010, с. 57; и др.]. Речь идет о существовании некоего «центра», из которого, в соответствии с канонами стиля, во всех направлениях существования андроновской общности распространялся «фасон» — головной убор с накосником. Интересно, что при общности стиля все накосные гарнитуров имели индивидуальные особенности в орнаменте, деталях крепления, тем самым отличая и выражая почерк мастера [Усманова, 2010, с. 58].

Сам по себе «накосник» — это украшение, которое покрывало собранные в жгут или косу волосы со стороны спины и могло быть перекинуто через плечи на грудь. По материалам федоровских памятников Западной Сибири и Казахстана основными видами головных уборов представляются шапочки — шерстяная или кожаная, возможны варианты с «наушниками» и

без. В андроновских могильниках лесостепного Алтая и Прииртышья листовидные подвески известны, хоть и в небольшом количестве (мог. Фирсово XIV, Кытманово) (рис., 6). По сравнению с алакульскими украшениями, наконники федоровской культуры представлены, как правило, одним типом — сочетание двух-четырёх листовидных привесок. Э.Р. Усманова предположила в связи с этим использование федоровцами украшения «косоплетки» как самостоятельного вида, без шапочки [2010, с. 60]. На такой способ ношения, при наличии листовидных подвесок, указывает прежде всего отсутствие в большинстве погребений низок из бусин и обойм, которые бы могли служить креплением наконника к шапочке. Наконные украшения западных регионов отличаются многообразием и обилием деталей (рис., 1, 2). Специалисты условно выделяют ранние (синташтинско-петровский круг) наконники, которые отличаются от более поздних (алакульских): ведущей формой подвески является «ромбовидная», в алакульских гарнитурах — листовидные; крепление к головному убору в более поздних украшениях осуществлялось при помощи обойм [Там же, с. 59] (рис., 4). Помимо украшений головы (прически), в алакульское время были распространены сложносоставные украшения, из определенного количества орнаментированных бляшек, соединенных между собой низками обойм (бусин) или пронизей. Специалисты интерпретируют такие гарнитуры в качестве нагрудного, челюстно-лицевого или лобного украшения (рис., 3). По материалам федоровской культуры подобные украшения не зафиксированы. Более того, в погребальном инвентаре вообще отсутствуют бляшки со штампованным орнаментом. Отдельный вид украшений, характерный и для федоровцев и для алакульцев, представляет подвеска в полтора оборота. Единственное отличие — расположение этого изделия относительно погребенного. В андроновской культуре подобное изделие является элементом ушного комплекта и может указывать на развитие собственного «стиля».

Таким образом, и для алакульской традиции и для федоровского круга характерны наконные украшения. Челюстно-лицевые зафиксированы только в петровско-алакульское время. На территории Западной Сибири наконные украшения минимализированы (относительно алакульских), в инвентаре присутствуют бляшки, бусины, браслеты и кольца со спиральным окончанием. Некоторые из этих изделий покрывались древними мастерами золотой фольгой и представляли собой настоящие произведения искусства. Предметный комплекс памятников андроновской культуры Кузнецкой котловины отличается практически полным отсутствием комплекса украшений. Исключение составляют два бронзовых височных кольца на памятнике Ур-Бедари 1 и бронзовые бусы, широко распространенные в погребальной практике андроновского населения. Детали бус выполнены из бронзовой проволоки, закрученной в колечко, фиксировались в районе голеностопных суставов погребенных. Несмотря на различия в количественном составе наборных украшений, выявляется единая для всех культур идея оформления/убранства волос и головы.

Комплекс украшений, найденных в погребениях эпохи поздней бронзы, не отличался значительным разнообразием, но также имел отношение к декорированию головной части — обычно использовались бронзовые трубочки-наконники, пронизки, звездвидные подвески, бляшки и бусы. Интерес в этом контексте представляют найденные на БЕ 9 в могиле 2 кургана 2 остатки головного убора [Абдулганеев и др., 1996]. Основу его составляла кожа, на которую в центре была нашита бляшка, а по обе стороны от нее — пронизки. Головные уборы такого рода достаточно редки в ирменских погребениях. Наиболее близким аналогом являются находки из Камышенки — две пластинчатые и три трубчатые диадемы, состоявшие из пронизок, бус и полусферных бляшек. В погребениях могильника Танай-12 эпохи поздней бронзы представлено несколько разнообразных по содержанию для территории Кузнецкой котловины наборов украшений головы и шейной зоны (челюстно-лицевая подвеска) [Бобров, Умеренкова, 2003]. Идентичные гарнитуры были найдены при исследовании могильника Танай-1 в этом же археологическом микрорайоне (рис., 7, 8). Аналогичное применение комплекса бронзовых изделий известно по материалам памятника ЕК I (погр. № 4 кург. 14): для украшения головного убора в том же порядке использовались височные кольца, бронзовые бляшки-нашивки и пронизы [Матющенко, 2001, с. 12, рис. 10, 28, 29]. В западных районах распространения культур эпохи поздней бронзы подобные комплекты не зафиксированы.

Представительный комплекс бронзовых предметов обнаружен в могиле 55 могильника Рублево VIII [Киришин и др., 2006]: головные украшения, принадлежности одежды, украшения для рук. Первая из категорий наиболее многочисленна. В нее входят серьги, три трубочки-пронизки, выполненные из тонкой раскованной пластины, в одну из трубочек была вложена

К проблеме изучения мировоззрения древних обществ...

меньшего диаметра позолоченная (?) пронизь. Они располагались вдоль шейного отдела позвоночника, за ним и, по всей видимости, представляют собой детали накосного украшения.

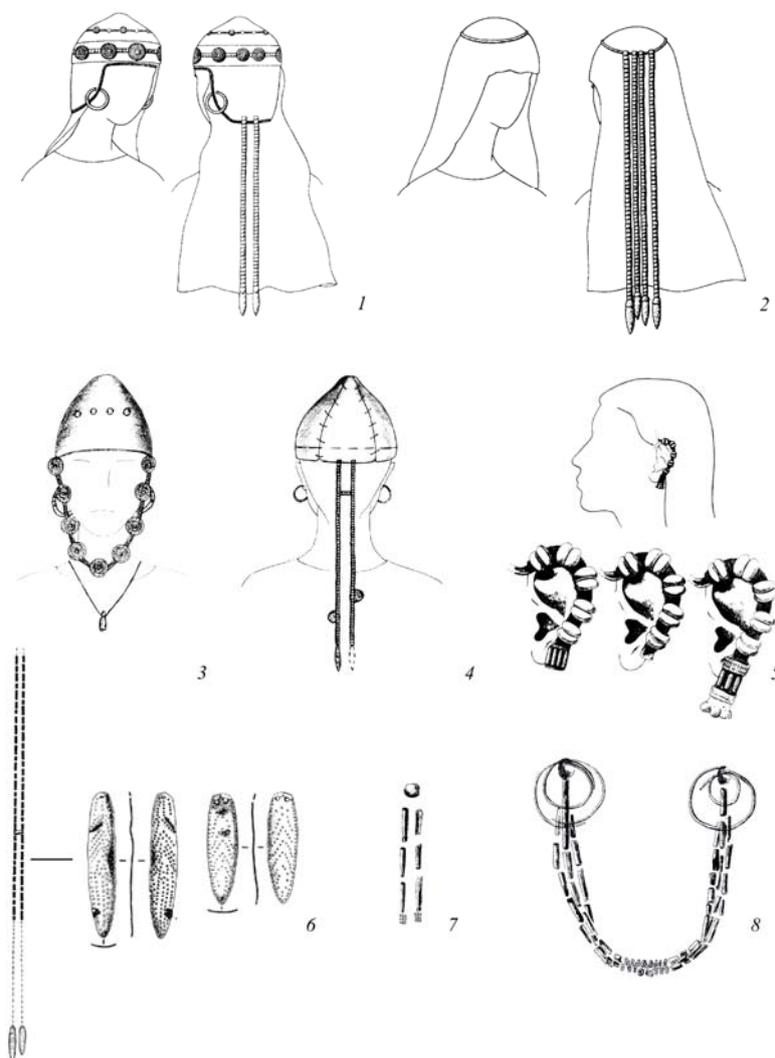

Рис. Реконструкция головных украшений эпохи бронзы:

1, 2 — мог. Кулевчи VI (по: [Виноградов, 1998, с. 198, рис. 12]); 3 — мог. Лисаковский II (по: [Усманова, 2010, с. 34, рис. 52]); 4 — мог. Лисаковский IV (по: [Усманова, 2010, с. 34, рис. 53]); 5 — мог. Фирсово XIV (по: [Позднякова, с. 2000, с. 50, рис. 2]); 6 — мог. Фирсово XIV (по: [Позднякова, 2001, с. 254, рис. 1]); 7, 8 — мог. Танай-1 (по: [Бобров, Умеренкова, 2003, с. 263, рис. 1])

Мы привели в качестве примеров самые яркие находки в погребениях с богатым инвентарем, сохранившихся в неповрежденном виде и дающих возможность специалистам провести реконструктивные работы.

Таким образом, и в эпоху поздней бронзы идея оформления головы и волос остается популярной. Головной убор являлся одной из самых заметных деталей костюма; зоны пояса, обшлагов (манжет), штанов не имели столь богато оформленных деталей. Видимо, такое повышенное внимание и столь определенная знаковость по отношению к головному убору возникает из понимания головы как средоточия жизненных сил, присущего традиционным народам Сибири. При условии, что данные украшения были характерны для женских захоронений вне зависимости от пространства и времени, главное предназначение этих сложносоставных изделий связано со стремлением покрыть волосы. В этом контексте необходимо сказать о наличии *апотропейной магии*, проявлявшейся в функции подвесок, а именно в том, что при ходьбе подвески накосных украшений были «шумящими», т.е. служили для отпугивания злых духов. Звон и шум подвесок в форме металличе-

ских трубочек, других форм подвесок, прикрепленных на концах кос, «изображал» голос духов, способствующих привлечению счастья, удачи, благополучия к обладателю костюма [Окладникова, 1995, с. 177]. Для эпохи развитой бронзы одной из характерных форм таких подвесок был лист дерева. Хотя есть и другая точка зрения: Ю.И. Михайлов считает, что подвеска соответствует образу и форме наконечника стрелы и отражает его символику, связанную с кузнечным мифом [2005]. Вместе с тем автор отмечает сходство этих изделий с магическими «перьями» или «стрелами» и также определяет их как символы женского плодородия [Там же, с. 138]. Однако, если исходить из семантической связи волосы — растения, за которой стоит культовая идея женского плодородия, в наконечной подвеске больше видится форма листа. Хотя не исключено, что она соединяла в себе несколько значений и ее образ был полисемантичен [Усманова, 2010, с. 84].

Другой пример — широко распространенные в андроновском мире желобчатые подвески в полтора оборота, по мнению ряда авторов, имитирующие рога барана, что также является символом богатства и благополучия [Усманова, Ткачев, 1993, с. 81]. Мотив бараньих рогов весьма популярен в декоре головных уборов и является устойчивым элементом в традиционном костюме народов Центральной Азии [Борозна, 1975, с. 289]. В эпоху развитой бронзы такие подвески украшают головные уборы в различных видовых композициях в синташтинско-алакульской традиции и служат основной деталью ушного гарнитура, который мог быть самостоятельным головным украшением либо крепиться к убору. Подвески в полтора оборота были найдены в женских погребениях с возрастным интервалом от 20–25 до 55–60 лет и от 40 до 55 лет [Позднякова, 2000, с. 52]. В единичных экземплярах подвеска встречается в мужских погребениях (мог. Лисаковский II, кург. 1; мог. Фирсово XIV) [Усманова, 2010, с. 86]. Вероятно, ношение ювелирного комплекта, украшавшего ухо, имело религиозно-магический смысл. По традиционным воззрениям, именно украшения, находящиеся и закрепленные вблизи видимых отверстий на теле (ухо, рот, нос), призваны предотвращать проникновение через них в организм злых духов [Там же, с. 86].

Социально-знаковая характеристика головного убора тесно связана с его функцией как *оберега*. Такое восприятие в полной мере соотносится с древним представлением человечества о мире. При переходе из одной возрастной группы в другую менялся и знаковый смысл изделий. Например, когда девочка становилась невестой, а затем молодой женщиной, ее украшения служили уже не только оберегами, но и благожелательными символами, своеобразно выражающими *идеи плодородия*. Особое внимание уделялось головным и нагрудным украшениям. Подвески на головных уборах у многих народов, по этнографическим наблюдениям, олицетворяли связь Неба и Земли, являясь своеобразной дорогой (лестницей) в иные миры. Сияние металла на одежде при погребении обеспечивало «свет», помогало умершим войти в иной мир и давало спокойствие живым [Грачева, 1983; Чиндина, 1995]. Головной убор оберегал голову — центр возрождающейся души, мыслей человека, его жизнеопределяющего начала. Если рассматривать захоронения с позиции оформления последнего пристанища физического тела, то украшение головы вполне правомерно связать с «упокоением» бывшего вместилища тела «астрального». Идея охранно-магической функции серьги также весьма распространена у традиционных народов Сибири. Серьги считаются древнейшим оберегом, способным препятствовать входу в уши нечистой силы, а также защитить обладателя от негативной энергии и наговоров.

2. *Цветовая символика*. При реставрационных работах, проводившихся специалистами по восстановлению андроновских головных уборов, была выделена красная краска из корней марены красильной [Евдокимов, Усманова, 1990, с. 72; Позднякова, 2000, с. 52]. В общем в декоре головных уборов отмечено три цвета: желтый (украшения из золота), голубой (пастовые бусины) и красный (предполагаемый цвет крученой нити, плетеного или вязаного текстиля). Изучая цветовую гамму уборов женщин развитой бронзы, специалисты предполагают единый семантический ряд, обозначающий солнце, небо и огонь [Усманова, Ткачев, 1993, с. 80–81; Позднякова, 2000, с. 52]. Эта универсальная связь символизировала важнейшие элементы космогонии, обеспечивающие плодородие [Акишев, 1984, с. 133]. Особое внимание следует уделить факту использования в изготовлении украшений на территории Западной Сибири «желтых» металлов — бронзы и золота, в общетипологическом плане символизирующих верхний мир, плодородие, тогда как изделия из «белого» металла — символ среднего и нижнего миров, ночного светила и ночи (в данном случае мы имеем в виду серебро) весьма единичны. Кроме этого, цветовая гамма элементов головного убора вполне отвечала магическим функциям оберега у традиционных народов. О красном цвете, его значении в обрядовой символике хорошо известно по этно-

графическим материалам. Его семантика сводится к одному началу — жизни и связанному с ней культу плодородия [Усманова, 2005, с. 125]. Красный цвет головного убора чаще всего рассматривается как цвет оберега и символ возрождения. По наблюдениям этнографов, красный — неизменная цветовая деталь в костюме невесты, а в погребальной одежде он свидетельствует «о ритуальной ситуации на грани потустороннего мира» [Клейн, 1987, с. 79]. Символика красного цвета широко распространена в погребальных обрядах первобытных культур [Богордаева, 1999, с. 100].

3. *Религиозно-магическая функция.* В качестве примера для эпохи поздней бронзы уместно рассмотреть лапчатые подвески, оформленные геометрическим орнаментом, — украшения, характерные для карасукской культуры Енисея и известные в достаточном количестве на территории Западной Сибири, в основном Кузнецкой котловины. Утилитарным назначением изделий является, по мнению специалистов, продолжение прически: по несколько штук прикрепляли к концу косы. Возможно, лапчатые подвески отображали именно косу, которая состояла из трех жгутов [Сидоров, 1989; Михайлов, 2001]. Второй вариант: лапчатые подвески рассматривались в качестве магических вещей, встречающихся в могилах «жриц». При подобной интерпретации семантическое значение может быть несколько иным. Женский символ — ромб и мужской — трехпалое окончание в своеобразном переплетении ведут к символу плодородия.

Как захоронения «жриц» могут быть рассмотрены и погребения эпохи развитой бронзы, содержащие головные уборы, но совершенные по обряду кремации. Так, на Фирсово XIV были отмечены женские трупосожжения в богато представленных уборах [Позднякова, 2000, с. 52; 2001, 2002]. Предположений может быть несколько, в том числе наличие культа огня, служительницами которого выступали погребенные. В то же время на этом памятнике практически с аналогичными наборными украшениями зафиксирован и обряд ингумации, что значительно расширяет предполагаемые культовые действия. Несмотря на многочисленные археологически документированные свидетельства культовой практики тех же андроновцев, сакральная специализация персон, руководивших отправление ритуалов, неясна [Михайлов, 2001, с. 126]. Например, для восточного ареала андроновской общности выделение могил «жрецов» в общей массе представляет особую трудность, так как сопроводительный погребальный инвентарь крайне скуден.

Универсальной категорией украшений эпохи поздней бронзы Западной Сибири являются бляшки-пуговицы. Изделия найдены в захоронениях и мужчин и женщин, с той лишь разницей, что у мужчин они встречаются обычно у лицевой части, у женщин — еще и на одежде. Особая роль этих украшений в погребальных обрядах была выявлена В.В. Бобровым и Ю.И. Михайловым [1992] по материалам могильников поздней бронзы Журавлево-1, 3, 4, Титово, Камышенка. Авторы предположили, что бляшки нашивались на ткань, какую-то матерчатую основу, которая закрывала лицо покойного: две — в области глаз, третья — в области рта или носа. Подобная маска, возможно, закрывала естественные выходы для души, вместилищем которой была голова человека. Это подтверждает и предположение Е.А. Сидорова, считавшего, что носители ирменской культуры верили в душу, которая умирала и покидала тело только после окончательного его разложения. По этнографическим наблюдениям [Грачева, 1983, с. 80; Окладникова, 1995], акт прикрывания лица покойника у некоторых народов (например, нгансан) входил в число необходимых ритуальных действий погребальной обрядности и был связан с системой представлений о «жизни» умерших после жизни. Существование покойника в иной реальности (мире мертвых) зависело от того, насколько хорошо он мог там ориентироваться. Для того чтобы лучше «видеть» в иной реальности, покойный должен был утратить способность видеть при солнце, что на языке символов погребальной обрядности и выражалось в прикрывании лица покойника маской, куском ткани или специально выкроенным меховым треугольником головного убора.

4. *Знаки и символы.* В декоре изделий, составных элементов одежды и головных уборов в эпоху бронзы употреблялись бляшки, подвески в виде ромбов, треугольников с рельефами по сторонам. Ипостаси геометрических фигур обширны и трактуются различно: от выражения глобальных идей, включая модель мира, до конкретных образов, например женского или мужского начала. Мы не будем подробно останавливаться на трактовках значений, приписываемых геометрическим фигурам в мировой культовой практике, обозначим лишь существование подобного подхода в изучении бронзовых изделий [Амброз, 1965, с. 18; Иванов, Топоров, 1974, с. 22; Усманова, 2010, с. 84; и др.]. То же касается орнаментированных изделий, например бляшек, входящих в состав челюстно-лицевых подвесок синташтинско-алакульского костюма. Интересное наблюдение было сделано Э.Р. Усмановой: орнаменты, проштампованные на бляшках, редко встречаются на других предметах. Например, свастические орнаменты присутствуют на

днищах федоровских горшков, но неизвестны на плоскости федоровских украшений [Усманова, 2010, с. 86]. Получается, что существовало своеобразное «табуирование» изображения свастики в ювелирной традиции и яркое проявление его в орнаментальных композициях гончарного производства. По орнаментальному содержанию выделяется несколько групп бляшек: со знаками концентрической окружности, крестообразных фигур, волны или древа и абстрактными [Там же, с. 88]. Универсальный характер этих знаков позволяет предположить систему символов, основная суть которых сводится к солярному культу и соответственно культу плодородия и проявлению магических функций оберега. Еще один сложный символ, использовавшийся со времен палеолита,— спираль, с приписываемой ей великой созидательной силой как на уровне космоса, так и на уровне микрокосма. Специалистами было установлено, что спираль является одной из производных от знака солнца, огня с унаследованным принципом движения [Урушадзе, 1973]. Спираль в культурах Западной Сибири присутствует не только в орнаментальных композициях, но и в оформлении браслетов, перстней, подвесок начиная с эпохи развитой бронзы.

Таким образом, информативные возможности украшений позволили выявить ряд позиций в мировоззренческих представлениях обществ эпохи бронзы Западной Сибири. Как правило, семантика этих изделий сводилась к одному началу — жизни и связанному с ней культу плодородия, будь то элемент составного украшения, цвет либо орнамент. Украшения прикрывали основные зоны человеческого тела — голову, шею, руки, пояс, ноги. Если костюм (облачение) прежде всего имел утилитарное назначение, то украшения нельзя рассматривать только с практической точки зрения. Полная реконструкция мировоззренческих основ для «бесписьменных» народов труднодостижима и иногда просто невозможна, но разработки специалистов в этой области помогают определить наиболее перспективные направления исследований, позволяющих приблизиться к адекватному пониманию содержания духовного творчества. Одно из таких направлений — изучение роли и места украшений в составе погребального обряда как способа, посредством которого древнее население осознавало себя и окружающий мир.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б.* Могильники развитой и поздней бронзы на Ближних Елбанах // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 11–20.
- Акишев А.К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.
- Амброз А.К.* Раннеземледельческий культовый символ (ромб с крючками) // СА. 1965. № 3. С. 18.
- Байбурун А.К.* Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Л., 1981. С. 215–226.
- Бобров В.В., Умеренкова О.В.* Набор украшений эпохи поздней бронзы из могильника Танай-12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. Ч. 1. С. 260–263.
- Бобров В.В., Михайлов Ю.И.* Половозрастная структура ирменского общества (по материалам головного убора) // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1992. С. 70–72.
- Богордаева А.А.* Цветовая символика в традиционной одежде обских угров // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 98–104.
- Борозна Н.Г.* Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды. М., 1975. С. 289.
- Виноградов Н.Б.* Новые материалы для реконструкции облика одежды алакульских женщин (по результатам изучения могильника Кулевчи VI) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1998. Вып. 6. С. 186–202.
- Грачева Г.Н.* Человек, смерть и земля мертвых у нганасан // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 44–66.
- Грачева Г.Н.* Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX — начала XX вв.). Л., 1983. С. 55–83.
- Добролюбский А.О.* Принципы социологической реконструкции по данным погребального обряда // Теория и методы археологических исследований. Киев: Наук. думка, 1982. С. 54–68.
- Евдокимов В.В., Усманова Э.Р.* Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурной общности из Центрального Казахстана) // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990. С. 66–80.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей: К реконструкции основного мифа древних славян. М.: Наука, 1974. 661 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Позднякова О.А., Палин Д.В., Шамшин А.Б.* Коллекция металлических украшений из погребений андроновского комплекса могильника Рублево-VIII // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. С. 33–44.

К проблеме изучения мировоззрения древних обществ...

- Клейн Л.С. К вопросу о связи культуры и искусства // Искусство в системе культуры. Л.: Наука, 1987.
- Куприянова Е.В. Стиль и проявление тенденций моды в женской одежде эпохи средней бронзы Южного Зауралья и Казахстана // Вестн. ЧелГУ. 2007. № 3 (81). С. 94–102.
- Лелеков Л.А. О символизме погребальных облачений: («Золотые люди» скифо-сакского мира) // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1987. С. 25–31.
- Литвинский Б.А. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии: (Опыт истолкования в свете истории религии) // СЭ. 1982. № 4. С. 34–43.
- Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск: Наука, 1989. 243 с.
- Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 1.: Еловский I курганный могильник. Омск, 2001.
- Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 264 с.
- Михайлов Ю.И. Ритуальная символика женских погребений синташтинского и андроновского времени // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. Вып. 23. С. 58–61.
- Окладникова Е.А. Головной убор аборигенов Сибири (сибирско-американские параллели) // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. С. 171–178.
- Погодина М.Л. Комбинированные украшения населения Западной Сибири эпохи бронзы // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2011.
- Позднякова О.А. Проблема интерпретации погребений женщин с головными уборами (по материалам андроновского комплекса могильника Фирсово-XIV) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. Т. 3. С. 47–52.
- Позднякова О.А. Накосные украшения из андроновских могильников лесостепного Алтая // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. С. 251–255.
- Позднякова О.А. Андроновские головные уборы из могильника Фирсово-XIV и их аналогии // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар: ЭКО, 2002. С. 103–112.
- Сидоров Е.А. Курганный могильник Милованово-1 // Памятники Новосибирской области. Новосибирск, 1989. С. 54–65.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Возможности проведения палеосоциальных исследований на основе археологических данных // Археология Южной Сибири. Новосибирск, 2003. С. 51–55.
- Ульянов И.В. Проблемы реконструкции религиозного мировоззрения ранних кочевников Южного Урала // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2004. С. 125–127.
- Умеренкова О.В. Проблемы изучения и реконструкции украшений одежды и головных уборов в эпоху бронзы (по материалам памятников Западной Сибири) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 417–420.
- Урушадзе Н.Е. К семантике прикладного искусства Древнего Кавказа и Закавказья // СА. 1973. № 1. С. 54–70.
- Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский 1: Факты и параллели. Караганда; Лисаковск, 2005. 232 с.
- Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана: Опыт реконструкций. Лисаковск; Караганда, 2010. 176 с.
- Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские накосные украшения Казахстана (эпоха бронзы). Караганда, 1998. 64 с.
- Усманова Э.Р., Ткачев А.А. Головной убор и его статус в погребальном обряде (по материалам андроновских некрополей) // Вестн. древней истории. М., 1993. № 2. С. 75–83.
- Чиндина Л.А. О ритуальной одежде селькупской женщины XVII века // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. С. 179–187.
- Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, 1987. 312 с.

Кемерово
klae@kemsu.ru

The article is devoted to the investigation of principal worldview notions with the people of developed and late Bronze Age from West Siberia. Subject to analysis being sets of composite ornaments, specifying the most significant references of the ornaments as a very important source in reconstructions of ancient spiritual world: semantics and worldview basis of using the mark of «headwear» in a ritual context, colour symbolism, religious and magic function, marks and symbols.

Worldview, myth, Bronze Age, West Siberia, ornaments, semantics, headwear, funeral ritual.